

- Иванович. 1971 г. р. Усть-Коксинский р-н Республики Алтай, с. Гагарка, запись 2020 г.
5. НА НИИА. МНЭ. Дело № 134. Гаршин Григорий Викторович. 1986 г. р. Усть-Канский р-н Республики Алтай, с. Усть-Кан, запись 2019 г.
 6. НА НИИА. МНЭ. Дело № 163. «Ж» (информант решил остаться инкогнито, был обозначен как информант «Ж»). Возраст примерно 40–45 лет). Усть-Канский р-н Республики Алтай, с. Усть-Кан, запись 2020 г.
 7. Собанский Г. Г. Звери Алтая. Крупные хищники и копытные. Барнаул: ГИПП «Алтай», 2005. 373 с.
 8. НА НИИА. МНЭ. Дело № 163. «О» (информант решил остаться инкогнито, был обозначен как информант «О»). Возраст примерно 45 лет). Усть-Канский р-н Республики Алтай, запись 2020 г.
 9. НА НИИА. МНЭ. Дело № 163. «Т» (информант решил остаться инкогнито, был обозначен как информант «Т»). Возраст примерно 45 лет). Турчакский р-н Республики Алтай, запись 2020 г.
 10. НА НИИА. МНЭ. Дело № 163. «С» (информант решил остаться инкогнито, был обозначен как информант «С»). Возраст примерно 45 лет). Чойский р-н Республики Алтай, запись 2020 г.
 11. Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: трансформации и традиции (конец XX – начало XXI вв.) / отв. ред. Н. В. Екеев, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск, 2016. 252 с.
 12. Указ Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 31.07.2020 № 176-у «Об утверждении лимитов добычи охотничьих ресурсов и квот их добычи в Республике Алтай, за исключением лимитов добычи охотничьих ресурсов, находящихся на особо охраняемых природных территориях федерального значения, и квот их добычи, на период с 1 августа 2020 года до 1 августа 2021 года» // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0400202007310002> (дата обращения: 02.09.2020).
 13. Сколько и каких животных могут добыть охотники на Алтае за год // Новости Горного Алтая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/118252> (дата обращения: 02.09.2020).
 14. Мукаева Л. Н. Политика Кабинета в Горном Алтае в досоветское время: монография. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 112 с.
 15. Рыбный промысел на Телецком озере (Попытки промыслового лова) // Путеводитель по Республике Алтай [Электронный ресурс]. URL: <http://putevoditel-altai.ru/load/1558-rybnyuy-promysel-na-teleckom-ozere-popytki-promyslovogo-lova.html> (дата обращения: 11.09.2020).
 16. НА НИИА. МНЭ. Дело № 134. Буньков Андрей Александрович 1988 г. р., Усть-Коксинский р-н Республики Алтай, с. Гагарка, запись 2019 г.
 17. НА НИИА. МНЭ. Дело № 163. Александр (информант решил остаться инкогнито, только назвал имя Александр). 1965 г. р. Майминский р-н Республики Алтай, с. Майма, запись 2020 г.
 18. НА НИИА. МНЭ. Дело № 163. Албанов Сергей Иванович. 1973 г. р. Усть-Коксинский р-н Республики Алтай, с. Гагарка, запись 2020 г.
 19. НА НИИА. МНЭ. Дело № 163. «Г» (информант решил остаться инкогнито, был обозначен как информант «Г»). 1973 г. р. Усть-Канский р-н Республики Алтай, с. Усть-Кан, запись 2020 г.
 20. Шитова Н. И. Русские низкогорной зоны Горного Алтая (XX – начало XXI вв.): монография / под ред. Е. Ф. Фурсовой. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 208 с.

УДК 39(571.150)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-194-198

С. В. Туров

Природопользование русского населения Алтая в XVIII — первой половине XIX в.¹

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Исследуется адаптация русской традиционной хозяйственной структуры к природным условиям региона. Земледелие обуславливалось особенностями рельефа и микроклимата. Промысловое давление на животный и растительный мир определялось хозяйственными потребностями и рыночной конъюнктурой. Складывается порайонная специализация сбора дикоросов и добычи зверя. Промысловая деятельность сказывалась на численности животных и состоянии лесов. Включение в ареал промысловых интересов крестьянства тех или иных природных объектов зависело от многих факторов. В целом следует признать высокую степень адаптации русской традиционной хозяйственной структуры к природным условиям региона. **Ключевые слова:** Алтай, русские, природопользование, земледелие, добывающие промыслы.

На протяжении XVIII – I половины XIX в. русским крестьянством осваиваются горные долины Алтая, что приводит к становлению в Южной Сибири русского горного земледелия. Процесс этот начался с

речных долин Убинской и Бухтарминской [1, с. 21] и интенсивно продолжался на протяжении всего периода. Так, В. В. Радлов в начале 60-х гг. XIX столетия застал продолжающееся поступательное движение русского хлебопашества в горных долинах Алтая. В 1860 г. в долине реки Сема (868 м над уровнем моря) он посетил поселение алтайцев, а уже в 1863 г. на этом же месте он обнаружил большую и богатую

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 19-59-22008 и № 19-19-50270.

русскую деревню Шабалино: «...ее крестьяне сумели лучше использовать плодородные почвы, чем кучка алтайцев...» [2, с. 21].

Земледельческое освоение алтайских просторов в целом было подчинено особенностям рельефа и составу почв: «Из-за особенностей природных условий пашни, как правило, располагались здесь небольшими массивами. В горных районах южного Алтая ввиду пересеченного рельефа местности обычно это были небольшие участки, вытянутые в виде прямоугольников и идущие в горизонтальном направлении к склону. На равнине пашни были также разбросаны в нескольких местах в зависимости от наличия водных источников. Расстояние пашен от населенных пунктов было различным — от 2–10 до 30–50 км» [3, с. 121]. В первую очередь распахивались наилучшие земли: «К тому же хлебопахотные земли выбирают в отдаленных местах, будто вблизи годного нет...» (1760 г., Кольвано-Воскресенский горнозаводской округ) [1, с. 72]. К этому следует добавить, что у земледелия в горных долинах была еще одна особенность — северные склоны гор, обрамлявших долины, как правило, вовсе не засеивались [1, с. 98]. Пшеница не успевала здесь вызреть. Дело в том, что в условиях горного ландшафта на склонах долин, обращенных к югу, безморозный период значительно длиннее, чем на северных склонах. Это касается горных речных долин, где единственно возможно земледелие. Хотя в целом безморозный период в долинах и котловинообразных формах рельефа на 10–15 дней короче, чем на возвышенных частях горного рельефа, но здесь, кроме тепла, есть еще и почва [4, с. 85]. Интересное наблюдение над русским земледелием Горного Алтая сделал в 30-х годах XIX в. Ж. Б. Эйри. Описывая деревню Фыкалку (4214 футов над уровнем моря), он замечает, что здесь имеются посевы ржи, а у крестьянских изб расположились «отличные огороды». Но, по его же замечанию, в долине р. Уймон рожь высевали, в отличие от Фыкалки, «не ежегодно», хотя долина р. Уймон находится значительно ниже по отношению к уровню моря. Дело было в том, что д. Фыкалка находилась «к югу от Холсунских гор», которые закрывали ее от «полночных ветров» [5, с. 142–143].

Большую роль в хозяйстве алтайского крестьянства играли промыслы. Они позволяли получать дополнительные средства для поддержания хозяйства и уплаты податей. Продукция промыслов в XVIII — I половине XIX в. все в большем количестве поступала на рынок [6, с. 208–210]. В промысловой структуре региона на протяжении всего периода большое место отводилось добывающим промыслам. Где только позволяли природные условия, крестьяне занимались охотой, рыбной ловлей, сбором полезных дикорастущих и т. п. Промысловое давление на определенные виды животных могло усиливаться или ослабевать в зависимости от рыночной конъюнктуры. Так, до середины XIX в. алтайский сурок добывался крестьянами почти исключительно для собственных нужд: мясо шло в пищу, шкурки — на

одежду. С 50-х гг. XIX в. спрос на мех сурка стал расти. Дело в том, что меховщиками к этому времени была освоена окраска шкурок, имитирующая более дорогой мех. В начале 50-х гг. XIX в. с территории Горного Алтая в продажу поступало до 300 000 шкурок сурка в год. Они составляли половину стоимости всех товаров, закупавшихся в этой местности [7, с. 30–31]. Степень испытываемого животными антропогенного воздействия зависела и от их поведенческих установок (повадок). Так, белка меньше страдала от перепромысла, так как в силу периодических перекочевок иногда надолго уходила в недоступные для охотников лесные дебри, где восстанавливала свое поголовье. Причиной миграции зверька был неурожай кедровых орехов. В значительно большей степени от перепромысла страдало поголовье лосей, которые не склонны к дальним перекочевкам [7, с. 148; 8, 64–70]. Повадки алтайской пищухи (млекопитающее рода пищух отряда зайцеобразных) также сделали ее весьма уязвимой. Зверьки эти заготавливают на зиму сено, складывая его во внушительные стожки. Стожки могут достигать в высоту полутора и более метров. Масса сена в одном таком стожке может составлять 80–100 кг. Таким образом, запас сена на 1 км² угодий в некоторых урочищах может достигать 10 тонн [7, с. 22–24]. Крестьяне без зазрения совести похищали эти запасы, естественно, сокращая таким образом поголовье животных [9, с. 63; 10, с. 295–296].

От интересующего нас периода осталось немного полных и достоверных сведений о масштабах охотничьего промысла. Крестьяне в это время склонны были скрывать истинные размеры своего хозяйства. Эту особенность социальной психологии сибирского крестьянина отмечали многие современники. Известно высказывание С. И. Гуляева о русских жителях Горного Алтая, относящееся к 30-м гг. XIX в.: «Мы думаем, что число каменщиков гораздо более, а звериный промысел обильнее, нежели показывают цифры. Наши крестьяне, а тем более каменщики, как-то неохотно сообщают сведения об этих предметах, о своем состоянии, хозяйстве и промыслах» [11, с. 129]. Однако пусть нечасто, но сведения о размерах охотничьей добычи в рассматриваемый период можно обнаружить в источниках. Обычно это судебно-следственная документация, возникшая в связи с теми или иными незаконными действиями как самих крестьян, так и в отношении их самих. Так, в декабре 1757 г. у четырех крестьян Кольвано-Воскресенского ведомства Малышевской слободы деревни Кошкинской, «бывших на промыслу в бору, против станца Черемховой Забоки в урочище Шадрина Согра» киргиз-кайсаки отобрали 300 белок, 7 лисиц, 1 волка, 1 «сохатину» [12, с. 249]. Т. С. Мамсик приводит исключительно редкие и интересные материалы о размерах индивидуального охотничьего промысла в Горном Алтае в конце XVIII в. Так, у некоего Афанасия Селезнева, беглого крестьянина, после его поимки на Бухтарме оказалось «кож лосиных и маралых 10, ку-

ниц 10, лисиц красных 5, волков 2, белок 100». Некто Никифор Заворухин, прожив на тех же основаниях, что и Селезнёв, на Бухтарме зиму, к весне принес домой 18 соболей. В следующий сезон артелью еще с двумя крестьянами они добыли 40 соболей, 5 выдр. Горный работник Гуляев, тайно живший в «Камне», вывез на продажу 20 соболей, бергайер Андрей Попов — более пятидесяти. Все вышеприведенные факты относятся к 70-м гг. XVIII столетия. Некто Сизиков в 1783 г. на Бухтарме, на реке Максихе, наловил за зиму «ловушками, называемыми кулемками», 20 соболей и 110 белок. За зимний сезон 1785 г. в тех же местах он добыл 12 соболей и 30 белок [1, с. 28, 72–74]

Среди объектов собирательских промыслов главное место занимали растения. Специфика отдельных районов края проявлялась в том, что объектами собирательства становились растения, характерные только для местной флоры. В Барнаульском уезде местные жители занимались сбором дикого персика: «...Употребляется с ядрами для двояния водки, а особливо ядро вместо горького миндаля в разные кушанья». Здесь же, на Алтае, «по горным и каменистым местам, а более к Колыванскому, на Синеи сопке», рос «дикий барбарис (сибирский)». Он употреблялся местными жителями «в пищу для варения ягодников — оба сих плода... (дикий персик и барбарис. — *Авт.*)» [13, л. 42]. На Верхнем Иртыше, в предгорьях Алтая в больших количествах собирали растения-красители: марену, зеленуху, серпуху [14, с. 37]. Порой в зону хозяйственных интересов крестьян попадали растения-реликты с чрезвычайно узким ареалом. Так, в Колыванском озере местные жители собирали болотный орешек, который произрастал на дне только этого водоема: «...привязывают для этого на конец длинного шеста кусок какой-нибудь материи и проводят по дну озера. Болотные орешки, снабженные шипами, зацепляют последними за кусок и таким образом вытаскивают их наверх» [15, с. 27]. Здесь же, на берегах Колыванского озера, собирали водоросли. С виду это небольшие шарики зеленого цвета, легко растворяющиеся в воде. Крестьяне получали из них маслянистую жидкость, которую называли водяным маслом и использовали для лечения глазных болезней [16, с. 97].

Существовали также районы предпочтительного сбора того или иного растения, характерного для флоры большинства местностей региона. Так, сбором хмеля крестьяне занимались практически повсеместно. Однако, по замечаниям современников, на Алтае хмель «в особом изобилии произрастал на верхнем Иртыше по «забокам», в окрестностях Бухтарминской крепости. Здесь его собирали линейные казаки [14, с. 14]. Собирательным промыслом уже во второй половине XVIII в. были присущи товарность, а значит, и высокая интенсивность. П. С. Паллас писал, что алтайские крестьяне возили на продажу на Змеиногорский рудник подводами дикий чеснок (черемшу, колбу) и «...некоторый род луку, на высоких горах растущего» [10, с. 216].

Сбор растений, употреблявшихся в пищу, особенно активизировался во время неурожая, когда возникала реальная угроза голода. В этом случае хорошим подспорьем населению служила дикая гречиха (карлык). Употребление в пищу карлыка было заимствовано от аборигенного населения — алтайцев.

Что касается попыток оценки объемов собирательства, то их для нашего периода имеется не так уж много. Так, Г. Потанин во время своего пребывания в 1856 г. в западной части Алтая ездил с жителями станции Тулаты в Алтайскую чернь за кедровыми орехами. По его свидетельству, некоторые крестьяне набивали здесь за сезон (август — сентябрь) до ста пудов орехов. Орехи вывозили из тайги целыми караванами подвод [17, с. 70–71].

Включение в ареал промысловых интересов крестьянства тех или иных объектов было процессом сложным, где переплетались множество различных факторов. Пример тому — освоение Телецкого озера. О Телецком озере русские узнали в XVII в. Воєвода Сабанский в 1642 г. предлагал основать острог на берегу озера, но этого не произошло. И к середине XIX в. русских поселений на Телецком озере не было [18, с. 111]. Сюда ходили на сбор кедрового ореха и звериный промысел. Местное крестьянство мотивировало отсутствие интереса к рыбным богатствам озера якобы чрезмерной глубиной водоема и малым количеством рыбы. Между тем в озере, действительно не мелком, водились в большом количестве ценные виды рыб: телецкая пресноводная селедка, таймень, хариус, щука, лещ [19, с. 1–2; 2, с. 62]. По свидетельству В. В. Радлова (1861 г.), его люди, располагавшие короткой сетью, в очень непродолжительное время наловили в озере «...вполне достаточное для еды количество красивых серых рыб, которых татары называли кызык, а русские — телецкой сельдью. Кызык появляется в огромных количествах чаще всего в начале июля» [2, с. 62–63]. При губернаторе Копцевиче в 20-х гг. XIX в. на озеро была откомандирована группа линейных казаков для ловли и заготовки впрок телецкой селедки. Предполагалось основать на берегу озера казачье селение, и уже был построен специальный «магазин» для складирования выловленной рыбы [18, с. 112]. Но дело быстро заглохло. Причем, как свидетельствовала молва, казаки приложили для этого немалые усилия, практикуя откровенный саботаж. Ходили слухи, что они, например, добавляли в бочки с рыбой траву с неприятным запахом. В общем, они делали всё, чтобы покинуть озеро как можно скорее и уже никогда на него не возвращаться, в чем и преуспели [19, с. 1–2]. Немногим лучше дело обстояло здесь и к концу периода. В 1861 г. во время хода сельдей (июль) на озере появилось несколько купцов с немногочисленными артелями. Добыча в каких-нибудь 80 пудов (купец Четин из Улагу, 1860 г.) считалась значительной. В 1861 г. на всем побережье озера стоял всего один сарай, где некий рыбопромышленник хранил сети и лодки. В 60-е гг. XIX в. С. И. Гуляев активно добивался организации промысла телецкой селедки и

«другого рода мелких сельдей, очень сходной с кильками». Он даже вступил по этому поводу в переписку с академиком К. М. Бером и супругой томского губернатора А. А. Родзянко; подвиг на этот промысел некоего «барнаульского мещанина» Суслонова, лично обучив его правильной засолке сельди, но всё тщетно: «Суслонов вместе с барнаульским мещанином Тренихиным занялись рыбной ловлей, добыли 18 пудов сельдей, продали их в Барнаул по 6 рублей пуд и тем закончили дело» [16, с. 88–89]. И как писал уже в начале 90-х гг. XIX в. И. Словцов, «дело с рыболовством на Телецком озере не подвинулось ни на шаг до настоящего времени» [16, с. 89]. По мнению В. В. Радлова, слабая рыбопромысловая активность на озере имела место по двум причинам. Во-первых, это крайне трудная дорога к озеру и его удаленность от поселений, во-вторых, невозможность его непосредственного освоения: «...нигде не сыскать ровного берега, на котором могла бы поместиться хотя крохотная деревушка» [2, с. 62–63, 65]. Обычно крестьяне вели промысловую деятельность вблизи своих селений. В середине XIX в. Аткинсон отмечал, что большинство алтайских крестьян, если они не занимались промыслом регулярно, а вели земледельческое хозяйство, должны были довольствоваться для охоты близкими окрестностями поселений [15, с. 258]. Через полстолетия это наблюдение повторил А. А. Кауфман: «Большая часть охотников в этой местности не удаляется за пределы волостной дачи и стреляет больше птиц: тетеревей, рябчиков, а при случае и мелкого пушного зверя – колонков и т. п.; сравнительно немногие идут на охоту в алтайскую тайгу и здесь промышленно по преимуществу рябчиков и белок» [20, с. 10].

Повсеместно в лесной полосе крестьяне занимались производством смолы, дегтя в районах, где росла липа, «драли» липовое лыко. Много заготавливалось дубильных материалов – талового и хвойного корья. Особенно усиленно этими промыслами занимались крестьяне Кольвано-Воскресенского горнозаводского округа, где только в 1779 г. была отменена крестьянская повинность на поставку для заводов древесного угля, дегтя, смолы, ивовых решеток, корытец и рогож. Уже по принудительным ценам поставка этих изделий осуществлялась и после 1779 г. [6, с. 208]. Разные деревья испытывали различную степень давления со стороны крестьянских лесных промыслов. Так, на Бухтарме и вообще в Кольвано-Воскресенском округе для изготовления лодок-долбленок всем породам деревьев предпочиталась осокорь душистая – вид тополя. Выбирались для этой цели наиболее крупные деревья. Лодки, как и деревья, могли быть различной величины и поднимали от одного до 25 человек [15, с. 273; 14, с. 18]. В плотницком деле также были предпочтения. На Алтае предпочитали лиственницу и пихту для возведения

крестьянских домов. Хозяйственные занятия сказывались на состоянии леса. Особенно быстро лес исчезал в горных долинах, где его и так было немного, а доставка древесины из других мест в связи с трудностями перевозки была невозможна. П. С. Паллас оставил следующее свидетельство о с. Крутая Березовка, располагавшемся в долине реки Березовки, впадающей в Иртыш (Горный Алтай): «...То, что было на низменности при Иртыше, было для построения и укрепления села вырублено, а на около лежащих горах не растет нигде ни одного дерева» [10, с. 253].

Таким образом, земледельческое освоение алтайских просторов было подчинено особенностям рельефа, микроклимата и составу почв. Большое место в хозяйстве отводилось добывающим промыслам. Промысловое давление на определенные виды животных могло усиливаться или ослабевать в зависимости от рыночной конъюнктуры. Степень испытываемого животными антропогенного воздействия зависела и от их поведенческих установок (повадок). Среди объектов собирательных промыслов главное место занимали растения. Иногда в зону хозяйственных интересов крестьян попадали растения-реликты с чрезвычайно узким ареалом. Существовали также районы предпочтительного сбора растений, характерных для флоры всего региона. Сбор дикоросов приобрел товарный характер. Включение в ареал промысловых интересов крестьянства тех или иных объектов и территорий было сложным процессом, на который влияли многие факторы. Обычно крестьяне вели промысловую деятельность вблизи своих селений. Повсеместно крестьяне занимались лесными промыслами. Промысловая деятельность сказывалась на состоянии лесов, особенно быстро лес исчезал в горных долинах. В целом следует признать высокую степень адаптации русской традиционной хозяйственной структуры к природным условиям региона в рассматриваемый период.

S. V. Turov

Natural resources management of the Russian population in Altai during the XVIII – first half of the XIX centuries

Annotation. The adaptation of the Russian traditional industrial structure to the natural environments of the region is analyzed. Agriculture was propelled by the relief and microclimate's particular qualities. Trade pressure on the animal and plant life was predicated upon economic needs and market conditions. There is a regional specialization in collecting wild herb and in hunting animals. Trade activity had an impact on the animal numbers and the forests health. The inclusion of natural features in the range of trade interests of the peasantry depended on many factors. In general, the high adaptation level of the Russian traditional industrial structure to the natural conditions of the region should be recognised. **Keywords:** *Altai, Russian, natural resources management, agriculture, mining the crafts.*

Источники и литература

1. Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизм формирования и функционирования

агропромышленной структуры. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 238 с.

2. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. Москва: Наука, 1989. 749 с.
3. Сафьянова А. В. Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во второй половине XIX – начале XX века // Хозяйство и быт западно-сибирского крестьянства в XVII – начале XX века. Москва: Наука, 1979. С. 109-142.
4. География Западной Сибири: Очерки природы и хозяйства. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 204 с.
5. Эйрие Ж. Б. Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйрие (Eugène) и украшенное гравюрами. Москва: Тип. А. С. Ширяева, 1839. Т. 1. 290 с.
6. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 504 с.
7. Собанский Г. Г. Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 159 с.
8. Формозов А. Н. Урожай кедровых орехов, налеты в Европу сибирской кедровки (*Nucifraga caryocastor macrorhynchus* Brehm) и колебания численности у белки (*Sciurus vilgaris* L) // Бюллетень научно-исследовательского института зоологии МГУ. Москва; Ленинград: Гос. мед. изд-во, 1933. № 1. С. 64–70.
9. Спасский Г. Путешествие на Тигирецкие белки // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 43–65.
10. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской академии наук. Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1786. Ч. 2. Кн. 2. 575 с.
11. Гуляев С. И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 30. С. 129–130.
12. Материалы для истории Сибири. Издание императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. Москва: Университет. тип, 1867. 333 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 361. Л. 42.
14. Гуляев Г. Заметки об Иртыше и странах им орошаемых // Вестник Императорского русского географического общества. 1862. Ч. 3. Кн. 5. Отд. 4. С. 1–40.
15. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинсона, А. Т. фон-Миддендорфа, Г. Редде и др. Санкт-Петербург: Тип. М. О. Вольфа, 1865. 518 с.
16. Словцов И. Степан Иванович Гуляев: Биографический очерк // Лукич. 1998. Ч. 3. С. 70–125.
17. Потанин Г. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. № 9. С. 70–71.
18. Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1880. Кн. 2. С. 1–147.
19. Ъ-Ъ. О сельдях в Телецком озере // Томские губернские ведомости. 1865. № 43. С. 1–2.
20. Кауфман А. А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Марининского округа Томской губернии. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XVIII. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и комп. 1892. 397 с.

УДК 930.2

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-198-202

Е. Ф. Фурсова*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация***Локальные этнокультурные идентичности русских старожилов в предгорьях Южного Алтая¹**

Аннотация. В статье сделана попытка раскрыть многообразие вариантов идентификации индивидов с локальными этнокультурными группами русских старожилов предгорий Южного Алтая на период конца XIX – начала XX в. по материалам этнографических экспедиций 1978–2000-х гг. Авторский подход заключается в том, чтобы исследовать указанную проблему на основе анализа коллективных народных названий (прозвищ) групп, не выделяя какую-то одну, учитывая при этом мнения соседей из близлежащих населенных пунктов. В результате исследования прослежены процессы развития исторического сознания и взаимодействия различных в культурном отношении этнокультурных групп, что нашло отражение в динамике распространения коллективных народных названий. **Ключевые слова:** локальные этнокультурные идентичности, историческая память, коллективные народные названия старожилов Сибири, старообрядцы.

Рассматривать локальную этнокультурную идентичность невозможно без обращения к фактам самосознания, исторической памяти индивидов, в данном случае, русских старожилов Южного Алтая периода конца XIX – начала XX в. В настоящей ста-

тье предпринята попытка раскрыть критерии этнокультурной идентичности через анализ полевого этнографического материала академических экспедиций 1970–2000 гг. о населяющих район группам и их коллективных названиях (самоназваниях и названиях, данных соседями). Разные иерархии и варианты идентичностей по материалам русских горожан из малых исторических городов центральной России были рассмотрены в статье С. С. Савоскула и, по заключению автора, немислимы без развитого исто-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект №18-09-00028а «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первой трети XX в.).